

Ровно три десятилетия назад он возглавил коллектив БДТ. Три десятилетия этой работы оказывают большое влияние на советское сценическое искусство. Три десятилетия достать билет в Ленинградский академический Большой драматический театр имени Максима Горького — большая проблема. В канун этого театрального юбилея корреспондент «Литературной России» встретился с Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и Государственных премий СССР, народным артистом СССР Георгием Александровичем ТОВСТОНОГОВЫМ.

— Георгий Александрович, мне бы хотелось поговорить с вами сегодня прежде всего о молодом человеке — и в зрительном зале, и на сцене...
— Ну что ж, не возражаю.
— Вероятно, вы не раз встречали молодых людей с полилирическими и матерчатыми сумками, на которых изображены портреты разных эстрадных идолов?
— Приходилось видеть.
— Не возникала ли в связи с этим такая мысль: насколько искусству необходима подобная «популярная»?
— Это стихийный процесс, и я бы воевать с ним не стал. Кому это мешает?
— Вы столь терпимы?
— Если молодому человеку приятно, что он несет на мешке физиономию любимого артиста, что тут страшного?

кие-нибудь зарубежные эстрадные певцы, то — полные аншлаги. Потому что прослышали: интересно! Если из Москвы Марк Захаров привозит «Юнону» и «Авось» — то же самое. Интересно! Да, в нашем, драматическом искусстве, как и на эстраде: прослышав про интересное, зритель попадает в театр любой ценой. Простите за невольную саморекламу, но когда БДТ гастролировал в Москве, там тоже перепродавали билеты, тоже стояли с плакатами: «Четыре билета на Таганку — за два на «Холстомере»!». Театр обязан достичь к себе такого интереса, при котором проблемы заполнения зала не существует. В нашем зале, например, молодой зритель в избытке...

ния произведения подминается музыкальной формой...
— Вот в этом весь вопрос: если содержание подминается, если оно не на высоком художественном уровне, то сразу правыми становятся те критики, которые выступают против «омузыкализации» драматических театров... Весь вопрос в качестве! Вспомните давний диснеевский фильм «Бэмби»: казалось бы — пустяк, мультяшка, но как пронзительно в этой мультяшке звучала тема добра, гуманизма... И как в развитии этой темы помогала дивная музыка... Фильм брал за сердце, как говорится, и старых, и малых, потому что все дело — в уровне искусства. И если какой-то мюзикл неудачен, то это вовсе не аргумент, что не надо ставить музыкальные спектакли вообще. Ибо неудачи есть в любом жанре. Можно поставить драму без всякой музыки и спокойно провалиться... Так что привлекать в театр молодого зрителя предпочтительней все-таки мюзиклом достойным...
— Помните, в конце сороковых годов, до вашего прихода в Ленинградский театр имени Ленинского комсомола, там, дабы привлечь зрителя, даже устраивали танцы...
— И первое, что, придя туда, я сделал, — эти танцы отменил. Но, как вы, наверное, помните,

нас многое... Нынче, на мой взгляд, молодые читают меньше вообще и хорошую литературу в частности. А ведь чтение — это духовная работа... Георгий Александрович, вы, наверное, тоже разделяете эту тревогу: книгу (не расхожий детектив, а именно настоящую Книгу), к великому сожалению, молодому человеку теперь все чаще заменяет теле- и киноэкран...
— Да, сила телевидения имеет, увы, эффект двойной: с одной стороны, это могучее средство воспитания, проникшее прямо в наш дом (с «тиражом», который театру и не снится); с другой стороны, воспитание посредством только телеэкрана приводит к очень печальным результатам. Убивается интерес к чтению, к настоящей литературе. В самом деле, зачем школьнику листать томики Льва Толстого, если и «Войну и мир», и «Анну Каренину» можно, не отрываясь от домашнего чаепития, увидеть на голубом экране?
— А что читали в детстве, в юности вы?
— Очень любил Марка Твена, зачитывался приключениями: Стивенсон, Майн Рид... Но при этом рядом постоянно присутствовала и серьезная литература, Чехов в первую очередь: в нашей семье умели последовательно воспитывать интерес к классике. Увлекался Роменом Рол-

многих превратилось в «киношную», в место, где тепло, темно и непременно весело...
Вот поэтому-то одна из задач театра — облагородить, воспитать подобного «киношного» зрителя... Как мы уже говорили, один из сильнейших факторов, формирующих его вкус, — эстрада, где слово, к сожалению, прочно утратило свои когда-то значительные позиции, а все отдано музыке. Но — какой музыке? Зачастую — весьма далекой от ее лучших образцов. Статистика свидетельствует: концерты популярного ВИА в Ленинградском спортивно-концертном комплексе за две недели посещает около полумиллиона слушателей, то есть столько, сколько филармония — за весь сезон. Задумайтесь: в этом огромном, стадионном зале у какого-нибудь «Примуса», «Зоопарка» или иного ВИА что ни концерт — то двадцать пять тысяч поклонников!...
— Коли искусство вынесено на стадион, то и воспитание его там, вполне естественно, — «стадионное»: порой ничем не отличаясь от пресловутых фанатов, посетители таких концертов тоже вскакивают, вопят, размахивают яркими тряпками — в общем, «балдеют». Впрочем, качество песен, обрушиваемых на головы слушателей через усиленные, чаще всего именно на

Георгий ТОВСТОНОГОВ: «ВОСПИТЫВАТЬ ЗРИТЕЛЯ...»

— Разве не страшно, что юные таким образом «приобщаются» к искусству?
— Они таким образом выражают свои чувства к любимому артисту. Но тут возникает другой вопрос: насколько артист этой любви достоин? Вот это вопрос серьезный. А в том, что молодежь подобным образом выказывает свое пристрастие к той или иной «звезде», честное слово, ничего страшного не вижу. Лишь бы «звезда» этого внимания стоила.
— Ну а почему же в таком случае на подобного рода изданиях мы не встречаем изображения артиста драматического?
— Увы, встречаем. Вот Евгению Алексеевичу Лебедеву недавно принесли кошелек, изготовленный, кажется, в Петрозаводске. На кошельке — его портрет.
— Редкий случай!
— Да, он тоже удивился. Почему же лицо драматического артиста на предметах ширпотреба встречается все-таки редко? Да потому, что поклонники драматического искусства в массе своей — поколение более взрослое, оно подобные сумочки носить не будет. А жанр эстрады более любим молодежью, которая стремится к экстравагантности.
— Не секрет, что молодые зрители на эстраду рвутся куда ретивее, чем в театр, причем многие из них в театр не ходят вообще. Вас это не пугает?
— А ведь ответственность за это прежде всего должен нести сам театр. Да, значит, сегодня театр в целом не на том высоком уровне, чтобы привлечь к себе молодежь.
— Но что может сделать театр, если вкус молодого человека не воспитан ни в семье, ни в школе?
— Много может сделать... Вспомните: если приезжают ка-

— Ну, чаще всего это — студенты, народ театральный. А вот если в зале та, чей эстетический уровень порой ниже самой скромной нормы, слышавшая это на спектакле?
— Очень: актерам играть трудно, в зале явно не та температура... Но, кстати, в том, что юный зритель зачастую столь не подготовлен к восприятию взрослого театра, большая доля вины лежит на театрах детских, которые как раз этим воспитанием и должны заниматься. Очень я удивился, узнав, например, что наш Ленинградский тюз при цене на билеты от двадцати до шестидесяти копеек выполняет план лишь на семьдесят два процента: ведь если зал там почти на треть пуст, то значит — детский театр не отвечает своему назначению...
— В чем, на ваш взгляд, отличие взрослого театра от детского?
— Мне кажется, никакого принципиального отличия нет. Детскому театру, как и взрослому, нужно уметь угадать: что волнует его зрителя? А потом найти к сердцу зрителя путь... Между тем тюзы чаще всего почему-то свой репертуар «овзросляют», ориентируются на старших школьников. Но ведь личность ребенка формируется в восемь — двенадцать лет, и вот как раз для этого возраста настоящей драматургии не хватает, да и особого интереса работать именно для детей тюзы не обнаруживают. Значит, не подготавливаются ребята, чтобы воспринимать взрослый, серьезный театр. А мы ругаем молодежь...
— Чтобы привлечь в зал молодого зрителя, сейчас многие драматические театры неумеренно увлекаются мюзиклами: Дон Кихот, Сирано де Бержерак, Овод — все теперь поют... Причем зачастую глубина содержа-

театр и без танцев потом посещался очень хорошо. А ведь наш репертуар строился отнюдь не на развлекательных пьесах. Мы играли «Гибель эскадры», «Дорогой бессмертия», «Униженных и оскорбленных», причем выяснилось, что Достоевский — один из самых «кассовых» авторов... Убежден, что если бы и сейчас какой-нибудь молодежный театр поставил «Униженных и оскорбленных» с достаточной силой — юный зритель тоже повалил бы туда валом, тоже бы остро сопереживал героям этой такой давней истории... Спектакль, где совпадает высокий уровень драматургического материала с высоким уровнем его сценического воплощения, способен достучаться до самой дремлющей души, способен составить заметную конкуренцию самому модному ныне рок-самбл...
— Огромная роль в воспитании молодого зрителя должна принадлежать и книге, но с чтением книг у молодых ситуация очень тревожная... Недавно, беседуя с писателем-фронтовиком Вячеславом Кондратьевым, я, в частности, поинтересовался: что, на его взгляд, определило особую чистоту, порядочность, высочайшую нравственность, духовность того поколения, которое в Великую Отечественную шагнуло прямо из школы в класс? И услышал: «Можно говорить о многом, что определило лицо нашего поколения, но я остановлюсь лишь на одном, весьма существенном: мы много читали. Развлечений было мало, телевизора не существовало, и почти все свободное время мои сверстники читали, причем чаще всего — хорошую литературу, классику. Наверное, наше отношение к женщине, например, воспитывалось при чтении Тургенева — во всяком случае женские тургеневские образы значили для

ланом — он в те годы у молодежи был в моде...
— Все эти книги способствовали выбору профессии?
— Несомненно. Знаете, есть афоризм: «Не важно прочесть «Трех мушкетеров». Важно прочесть их в двенадцать лет». Поэтому что именно в этом возрасте все самое лучшее остро воспринимается и остается для постижения последующего. А если великолепный роман Александра Дюма впервые прочтешь, когда тебе, допустим, уже тридцать, то результат совсем иной: нет той отдачи...
— Нет ли у вас, театрального режиссера, некоторой ревности к кинематографу, который все же намного популярней у молодого зрителя, нежели театр?
— Никакой ревности к кинематографу не испытываю, тем более что у театра перед ним есть свое преимущество: сама природа театра требует непрерывного контакта между сценой и залом, требует от зрителя особой духовной работы, и это взаимовлияние артистов и зрителей делает искусство театра вечным. Конечно, у кино — свои мощные выразительные средства. До сих пор помню, например, первое впечатление от «Чапаева». И сегодня могу весь фильм «Броненосец «Потемкин» пересказать буквально в деталях, хотя в последний раз видел его, наверное, лет тридцать назад...
И все же молодой кинозритель меня тревожит. Порой сижу в кинозале своим, мягко говоря, странным восприятием хорошего фильма могут начисто испортить тебе праздник общения с искусством. Помню, как парни и девчонки хихикали на «Белорусском вокзале», как хохотали на «Чучеле»... Кино для

таную «балдежную» реакцию и рассчитано... Песенка вспомнишь песни тридцатых — сороковых годов, чьи дневные мелодии были обращены к сердцу. Но молодые их, как правило, не знают...
— А может, это естественно? Зачем им знать, что пели в тридцатые годы, ведь песни — жанр актуальный, сегодняшний. Молодым нужны песни именно восьмидесятых годов — но яркие, талантливые, которые сейчас могли бы стать таким же музыкальным событием, как когда-то — мелодии Дунаевского и Соловьева-Седого...
Песня порой девальвируется. Да, девальвируется — даже на такую святую тему, как Великая Отечественная война. Причем с этой высокой темой подобное происходит порой и в иных жанрах искусства, когда делается очередной, полный стереотипов фильм или спектакль «на военно-патриотическую тему». Поэтому к 40-летию Победы я выбрал для постановки «Рядовых» Дударева и, кстати, в первую очередь адресовал спектакль именно молодому зрителю, даже намеренно ввел туда парня с гитарой, который как бы олицетворяет сегодняшнюю молодежь. Эта пьеса привлекла меня тем, что она ушла от стереотипа просто героико-патриотической темы. Героизм и патриотизм предполагают здесь сами собой. А вот духовный мир воюющего человека, его нравственная сторона — это меня интересовало, и эти свои раздумья я адресовал молодым...
— Георгий Александрович, поскольку молодые люди в театре существуют по обе стороны рампы, хотелось бы поговорить и о молодых актерах. Ну, например, како-

вы у вас, профессора театрального вуза, главные претензии к абитуриентам?

— При приеме на режиссерский факультет предпочтение мы обычно отдаем тем, кто уже имеет высшее образование. Так вот, порой даже выпускники университета обнаруживают на экзамене поразительную общую неграмотность: скажем, не могут назвать все пять пьес Чехова. То же — и среди будущих актеров... К тому ж все реже у тех, кто стремится в искусство, вижу настоящую одержимость. Все больше, увы, привлекают их манки дешевого порядка — слава, популярность...

— По каким признакам отбираете молодых актеров в труппу БДТ?

— У меня есть три признака, по которому определяю артиста вообще, независимо от его ранга и даже опыта.

Первое: чувство сценической правды, с которым человек рождается. Это — как музыкальный слух. Нельзя заниматься музыкой без слуха. Также нельзя заниматься сценическим искусством вне чувства органической правды...

Второе условие: такой интеллектуальный уровень актера, который предполагает возможность быть зараженным режиссерским замыслом, то есть речь

идет о гражданской позиции актера, о его взгляде на мир. Не люблю артистов-исполнителей. Мне необходим артист-соавтор. Приведу пример. Когда я принялся за постановку «Мещан», то в своем решении этого спектакля руководствовался одной фразой из письма Чехова к Горькому. Дословно не помню, но смысл ее таков: пьеса, в которой центральный персонаж не обладает никакими привлекательными свойствами, а просто нудный и злобный старик, интереса у публики вызвать не может... Исходя из этой фразы, возникла концепция: Бессеменов надо максимально оправдать! Да, субъективную правду Бессеменова довести до такой силы, когда бы он вызывал у зрителей сочувствие, понимание, чтобы мы в полной мере ощутили трагедию этого человека. (Кстати, только тогда станет до конца понятна и вся опасность мещанства.) Естественно, дабы осуществить замысел, мне необходимо было найти сочувствие и отклик у исполнителя центральной роли. Что ж, Евгений Алексеевич Лебедев стал подлинным соавтором спектакля. В книге «Мой Бессеменов» он подробно рассказывает, как, помня об этой сверхзадаче, работал над ролью...

И, наконец, третий признак: способность к импровизационному поиску. У нас за кулисами, под стеклом, есть такая цитата: «Импровизационный способ существования артиста при точном режиссерском рисунке. Всеволод Мейерхольд». Это наш принцип, который, кстати говоря, нисколько не противоречит Станиславскому. Наоборот: вся методика Станиславского ведет именно к этому понятию... Итак, способность к импровизационному поиску. Помните, как великолепен тот же Лебедев в роли Крутицкого? Однажды стали мы с ним разбирать: кто и что в роль внес? И не смогли разобраться, потому что — импровизация. Я что-то подсказываю. Он немедленно это развивает, да как! На этой основе подсказываю следующее... Когда же артист просто добросовестно исполняет режиссерские указания — это конец театра...

Вот по каким признакам отбираю молодых в труппу БДТ — таких, например, как Елена Попова, Ирина Селезнева, Михаил Морозов...

— Вообще замечено, что молодые актеры у вас не «простаивают», что вы доверяете им очень ответственные роли, что они, кстати, составляют значительную часть труппы...

— Да, почти треть коллектива. Смена поколений — одна из самых главных проблем современного театра, и важно, чтобы этот процесс развивался органично. Не боюсь доверить молодому артисту большую роль, если его партнером будет такой мастер, как, например, Кирилл Лавров или Олег Басилашвили.

— Георгий Александрович, позвольте задать вопрос, так сказать, «семейного» характера. Известно, что ваш сын, Александр Товстоногов, возглавляет в столице Драматический театр имени К. С. Станиславского. Так вот, советуется ли сын с отцом по поводу своей работы?

— Нет, и я понимаю, почему: в нашем деле очень важна самостоятельность. Конечно, когда бываю в Москве, прихожу в их театр, смотрю, делюсь впечатлением. Но — не больше.

— Ваша и его эстетика совпадают?

— В какой-то мере. Но индивидуальность у сына, конечно, другая: ведь другое поколение. И я рад, что в искусстве мы непохожи.

— Что вы посоветуете молодому человеку, который решил посвятить свою жизнь театру?

— Прежде всего проверить свое желание до конца. Недаром же Станиславский, говорят, создавал на экзаменах для по-

ступающих нестерпимую обстановку, то есть делал все, чтобы отвратить человека от театра. Он считал: только неистребимое желание быть в театре позволит человеку осуществить свою мечту... Да, надо проверить, насколько самоотверженна и искренна любовь к профессии, которую ты выбрал. Проверить, насколько можешь приносить себя в жертву целому, — это сейчас в театре главная эстетическая проблема. Задумайтесь: сегодня у театрального артиста — масса соблазнов: кино, телевидение, концерты... Все это прибавляет славу, значительно увеличивает заработок. Так что же в человеке побеждает — любовь к театру или все эти соблазны? Высоко ценю таких актеров, как, например, Владислав Игнатьевич Стрельчик: если его ждет интересная работа в БДТ, откажется от любого, даже самого заманчивого предложения на стороне. Подобные актеры создают вокруг себя ту эстетическую атмосферу, без которой Театр с большой буквы невозможен. Вот с них-то молодым служителям Мельпомены и стоит брать пример...

Беседу вел
и сфотографировал
Г. А. ТОВСТОНОГОВА
Лев СИДОРОВСКИЙ